

Когда они доехали до университета, И Чжэ настоял на том, чтобы Сюй Танчэнь не отправлял его одного к южным воротам. Сюй Танчэнь не понимал, почему. И Чжэ долгое время уклонялся от ответа, но, наконец, сказал:

— Я хочу отправить тебя обратно в общежитие.

Временами Сюй Танчэню казалось, что он слишком снисходительно относился к И Чжэ. Неважно, насколько странными или ребяческими были доводы И Чжэ, он всегда принимал их. Этому не было иной причины, разве что смотреть, как И Чжэ поджимает губы и слабо улыбается каждый раз, когда он кивал. Это сразу поднимало настроение.

В комнате общежития Чэй Сюй растянулся на кровати и смотрел американский сериал. Заметив, что Сюй Танчэнь вернулся, он указал на обжаренные в сахаре каштаны на столе и предложил:

— Я сегодня купил каштаны. Угощайся, они невероятно вкусные.

Сюй Танчэнь подошёл к столу и, взяв один, закинул в рот. Каштан был мягким и сладким.

Американский сериал назывался «Обмани меня». Чэн Сюй недавно им увлёкся. Сюй Танчэнь тоже смотрел его. Сначала сериал казался ему интересным, но, посмотрев один сезон, он почувствовал, что все сюжетные линии были идентичны. Это был сериал-антология; методы, используемые в раскрытии дел, были похожи, да и саспенс в каждом деле был не очень сильным. Посмотрев первые минуты серии, можно было определить убийцу и его мотивы.

Несмотря на это, Сюй Танчэнь всё равно пододвинул стул и сел рядом с Чэн Сюем, составив ему компанию в просмотре сериала. Когда преступление вот-вот должно было свершиться, Сюй Танчэню пришло сообщение от И Чжэ, в котором тот писал, что добрался до общежития. Сюй Танчэнь кратко ответил ему и отложил телефон, продолжив чистить каштаны для Чэн Сюя.

Наслаждаясь заботливым отношением к себе, Чэн Сюй взял очередной каштан и вздохнул:

— Как я завидую И Чжэ.

Он был молод. В прошлом, когда он ещё учился в младшей и средней школе, мальчики в классе не любили играть с ним. Многолетнее ношение школьного рюкзака во время одиноких прогулок по территории школы сделали его скромный характер ещё более замкнутым. Спустя много лет учебы, Сюй Танчэнь мог считаться его лучшим другом, и это была близость, в которой не было ни малейшего давления.

Когда Чэн Сюй сказал, что завидует ему, Сюй Танчэнь вспомнил о том, что произошло две ночи назад. К счастью, с Чэн Сюем после этого было всё нормально, и он даже проявил

инициативу и объяснил, что в тот момент он внезапно расчувствовался, и что Сюй Танчэню не о чем волноваться. Поскольку он это так объяснил, Сюй Танчэнь решил, что больше не будет допытываться, и сказал, что он, в случае чего, может всё рассказать ему.

Скорлупа каштана треснула, открыв вкусную мякоть. Сюй Танчэнь посмотрел на маленький шарик и неожиданно вновь подумал об И Чжэ.

Кто знает, что Юй Аню взбрело в голову, но после того сообщения он не успокоился. Сюй Танчэнь встал, чтобы помыть руки, когда его телефон снова завибрировал от очередного сообщения.

[Даже если ты не ответишь, я всё равно скажу. Для начала, это твоё личное дело, так что я буду немногословен. Но я хочу тебе напомнить о том, чтобы ты тщательно всё обдумывал. Если ты останешься с ним, в будущем вы проблем не оберётесь. Не думай, что все вокруг настолько открытые.]

Сюй Танчэнь не знал, как Юй Ань вычислил это. Но, так как он больше не мог скрываться или увиливать, он не стал заморачиваться.

[Спасибо, но тебе не нужно волноваться.]

Тон сообщения, который чётко обозначил границы, не возымел эффекта.

[Если честно, когда я впервые осознал это, я был удивлён. Тебе могут не понравиться мои следующие слова, но, как кто-то, кто очень тебя ценит, как твой шисюн, я хочу это сказать. Он слишком незрелый, делает всё что хочет. Я не думаю, что он тебя достоин.]

Если два предыдущих сообщения были отправлены, чтобы прощупать почву и тактично дать совет, это было грубым и выступало за рамки.

Сюй Танчэнь нахмурился на отношение Юй Аня к И Чжэ. Его хорошее настроение улетучилось. Делает что хочет? Ему никогда не казалось, что эта фраза имеет хоть какое-то отношение к И Чжэ.

Поставив на стол чашку, которую он использовал для чистки зубов, Сюй Танчэнь немного подумал и начал набирать ответ. Но его прервал внезапный звонок. Он увидел имя, высветившееся на экране, и ответил на звонок:

— Что такое?

— Ты ещё не спал, да?

— Нет, не спал. Я смотрел американский сериал с Чэн Сюем. Сейчас собирался пойти в душ, — звуки, исходившие от звонившего, вызвали у Сюй Танчэня подозрения, ибо его дыхание было громким. — Что ты делаешь?

— Мм... — И Чжэ неопределенно промычал, уклонившись от ответа. — Тогда ты можешь спуститься ненадолго?

— Хм?

В его мыслях еще не сформировался ответ. Но удивление продлилось всего несколько секунд. Сюй Танчэнь догадался, что к чему. И, так как это все было лишь предположением, его сердце забилося чаще. Он мог ясно чувствовать, как в его груди разливается тепло. Момент, когда человек только строил догадки, был более волнительным, чем тот, когда человек узнавал правду.

— Ты купил мороженое? — он повернулся к окну.

— Ай... — тихо вздохнул И Чжэ. Его голос звучал слегка недовольно. — Почему тебя так трудно провести? Я хотел сделать тебе сюрприз.

Окно общежития открылось, притянув к себе заинтересованный взгляд Чэн Сюя.

Сюй Танчэнь распахнул окно и посмотрел вниз, сразу же заметив человека. Стоя под мягким жёлтым свечением фонаря, он сидел на велосипеде, который круглый год был припаркован у его общежития, одной ногой опершись на землю. Он установил сиденье довольно высоко, но его ноги сохраняли этот великолепный тонкий сгиб в коленях.

Взглянув на него, Сюй Танчэнь глубоко: «Вау, кто этот красавчик?». Между тем, красавчик в одной руке держал телефон, и в другой — два рожка мороженого.

Затихший голос из трубки заставил его что-то почувствовать, и И Чжэ поднял голову. Два восторженных взгляда, чье сияние было способно затмить свет уличных фонарей, встретились.

Он внезапно расплылся в улыбке и поднял руку с мороженым, помахав ему. Будто бы держал в руках Олимпийский огонь.

Во время звонка И Чжэ рассказал о том, что из-за его хватки рожки были не совсем правильной формы. Он сжимал их весь путь до университета, и поэтому верхушки немного смазались. Сюй Танчэнь уже отвернулся, направившись к двери со сжатым в руке телефоном.

Он открыл дверь и услышал, как из комнаты позвал его Чэн Сюй, спросив, куда тот идёт.

Сюй Танчэнь повернулся к нему и сказал, что выйдет ненадолго.

— Ты не надел свое пальто!

Но у него в руках был телефон, и на улице его кое-кто ждал. У него не было времени на то, чтобы надеть пальто. Он вышел из комнаты в тапочках. Торопливое «шлёп-шлёп» отдавалось эхом от стен пустого коридора.

Но, спустившись на этаж ниже, человек с телефоном схватился за перила и остановился через пару коротких шагов. Он обернулся, затем побежал обратно, перепрыгивая через две ступеньки за раз.

Он распахнул дверь в комнату. Под заинтересованным взглядом Чэн Сюя Сюй Танчэнь похлопал его по плечу и потянулся к пакету на столе.

— Дай мне два каштана.

Чэн Сюй только что сказал, что ему завидно, но И Чжэ ведь никогда не ел каштаны, очищенные Сюй Танчэнем.

Он шёл слишком быстро. Его тапочки перетрудились этим зимним днем и немного разболтались. Ему пришлось поджать пальцы ног, чтобы они окончательно не слетели.

Каково это — иметь парня, который на шесть лет младше тебя? Наверное, что-то вроде этого: иногда он совсем как ребенок, но такой, что люди его любят; иногда он действует импульсивно, но так, что всё получается идеально.

«Такой, что люди его любят» и «так, что получается идеально» были не просто небрежными словами. Наоборот, они подходили как нельзя лучше — настолько, чтобы заставить парня на шесть лет старше внезапно стать ребёнком, внезапно стать импульсивным и, держа в руке два каштана, бежать к нему в тапочках и толстовке.

<http://bllate.org/book/13101/1158728>